

ТЕАТР

МУДРОСТЬ И СТРАСТЬ

ДУМАЮ, не только для меня самыми заметными явлениями грузинского искусства последних лет, расширявшими наше представление о нем, стали роман Чабва Амраджоби «Дата Туташвиа» и московские гастроли Театра имени Ш. Руставели. Теперь к ним нужно прибавить еще одно — спектакли Театра имени К. Марджанишвили, показанные в эти дни в Москве.

Мы всегда знали, что грузинское искусство может быть страстным, ярким, праздничным (даже когда в этом празднике таится трагедия — как в спектаклях Р. Стура, главного режиссера Театра им. Ш. Руставели). А сейчас, на спектаклях марджановцев, мы увидели, что грузинский театр может быть и мудрым, и жестким, и открытым, и глубоким. Что этот театр апитал в себя и национальные традиции, и опыт современного советского и мирового театрального искусства, и то, что принесла наша Драматургия в последние годы. Сравнение не является моей целью, но не могу не сказать, что, если брать за точку отсчета роман «Дата Туташвиа», то ближе к нему, на мой взгляд, именно Театр имени К. Марджанишвили — недаром же актер этого театра О. Мегвинтухуцеси сыграл Дату в телевизионном варианте романа, а в фильме «Берега».

А на московских гастролях он сыграл актера Лео в постановленной М. Кучухидзе пьесе А. Росебы «Провинциальная история» (в программе этот спектакль был назван чуть иначе и, по-моему, вернее — «Провинциальный сюжет») и «Отелло». Об этом «Отелло» давно уже доходило до Москвы слухи, скажем и мы о спектакле чуть позже. А пока — несколько слов о том, как этот актер, наделенный огромным талантом, играет своего современника и коллег.

Сказать «прекрасно играет» — значит ничего не сказать. Мегвинтухуцеси щедро трагит на своего Лео все, чем он богат. На какое-то время появляется в его игре невидимый знак равенства между понятиями «актер» и «фигляр» — он плясничает, юродствует, как может. Груб, циничен — но вот он получает телеграмму с киностудии, перечеркивающую все его надежды на работу в кино, и то, что наконец-то, может быть, удастся уйти из провинциального театра. Сидит у себя дома за столом, не снимая плаща и шляпы, сумрачный, разбитый — и поднимается, и идет играть вечерний спектакль, и в этот момент как будто вырастает. Играть — его долг, долг должен быть исполнен, и твои личные победы или поражения тут ничего не изменят. Если человек понимает это — он уже человек. Вот эту подлинную величину личности, которая почти весь спектакль была скрыта от нас, Мегвинтухуцеси и сыграл в финале: наверное, его герой сегодня вечером будет прекрасно играть свою роль, несмотря на то, что за полтора часа до этого рухнули его надежды.

А «Отелло»... На этом спектакле я понял истинный смысл пушкинских слов: «Отелло по природе не равнин, напротив, он доверчив». «По природе» — в этом все дело, в том, что человек, поддавшись ревности, идет против собственной, доверчивой и великодушной природы. И, убедившись в своей трагической ошибке, казнит себя тоже противоприродным способом — вены себе перегрызает. И в его ревности и в самоубийстве присутствует некая величина, без которой трагедия теряет смысл, но сыграть которую очень сложно — величина личности. Мы не знаем, какие победы одержал «Отелло», почему его считают великим полководцем, но что он великий человек — видно, чувствуем. И, как это ни парадоксально, понимаем Яго (прекрасно сыгранного Н. Мгалоблишвили), тщедушного незначительного человека, которому истинное наслаждение доставляет повергнуть этого гиганта. Без особых причин повергнуть, просто из интереса, даже рискуя собственной шкурой, — если получится, то, значит, и он, Яго, что-то незаурядное собой представляет. Карлик против гиганта — только у карлика нет совести, и это уравнивает

их силы, как уравнила бы свинчатка, захватив в кулак.

И слезы, которые в финале этого спектакля, были, мне кажется, слезами не только по Дадемона, но и по Отелло — во всяком случае, этого Отелло стоило оплакивать.

А Н. Мгалоблишвили — Яго еще раз доказал нам, что он прекрасный актер, в постановке романа М. Джавахишвили «Обвал». Москвичи уже знакомы с этим произведением по спектаклю МХАТ, поставленному главным режиссером Театра им. К. Марджанишвили Темуrom Чхеидзе. Но ничуть не менее интересно было посмотреть этот спектакль в исполнении грузинских актеров. (Кстати, и с творчеством А. Росебы мы уже тоже знакомы — по ее пьесе «Премьера», поставленной на малой сцене Театра им. Моссовета.)

Н. Мгалоблишвили играл в «Обвале» князя Теймуроза Хевистави — бывшего князя, поскольку действие происходит в 1924 году, и в какой-то мере бывшего человека: нет теперь у него имени — хитростью отнял его бывший управляющий Джакко (Г. Чугуашвили — еще один замечательный актер этого театра), а в конце спектакля он же отнимает и жену, и никакого веса в обществе тоже нет. А что есть? Только какие-то убеждения, именно «какие-то», он даже не может ясно сформулировать их, но поступиться ими не желает, несмотря ни на что. И вот эту, никому не понятную стойкость, смешную, поскольку за ней вроде бы ничего не стоит, ни на что она не опирается, и в то же время величественную, ибо верность себе не может не вызывать уважения. — Н. Мгалоблишвили сыграл отлично.

«Обвал», как и «Отелло», выделяется даже на этой, достаточно богатой гастрольной яфше, выделяется глубиной постижения личности и истории. И то, и другое возникает перед нами не в привычных, таких привычных, что мы уже не замечаем их упрощенности, «черно-белых» сопоставлениях, но в объеме. Именно величие «Отелло» становится причиной его гибели, именно наглость и грубая сила управляющего Джакко сплоскают до поры до времени его возвышение. Так и бывает в жизни — наши хорошие качества порой вредят нам, а дурные — помогают: это горькая правда, но правда. И только потом, когда закрываются все счеты, когда подводятся все итоги, выясняется, что добро — это добро, а зло — это зло, и старый крестьянин Минаго из спектакля «Звездопад» по пьесе О. Иселлиани, потерявший на войне всех трех своих сыновей, становится величием души едва ли не ровнем с «Отелло», а трагическая судьба Марго, жены Теймуроза Хевистави, уподобляется судьбе японской гейши Кохару из пьесы М. Тикамацу «Самоубийство влюбленных на острове небесных сателл» (обе эти женщины сыграны Н. Чихвинидзе, актрисой, в которой едва ли не наиболее внятно обнаруживается стиль театра, стиль Т. Чхеидзе — максимум глубины при... нет, не минимуме, но оптимально выразительных средств: собственно, к этому стремятся все режиссеры, но далеко не всем удается достигнуть этого в такой мере, как Темуру Чхеидзе).

— **А «САМОУБИЙСТВО В О** влюбленных на острове небесных сателл» (режиссер М. Кучухидзе), пьеса XVIII века, ни разу, насколько я знаю, не шедшая за пределы Японии, выглядела на марджановской сцене удивительно. Удивительно тем, что в спектакле была точно воссоздана эмоциональная природа японцев — народа, едва ли не противоположного грузинам именно по своей эмоциональности. И Г. Чугуашвили, такой доподлинный грузин (причем не просто грузин, а грузин-горец), в «Обвале» был столь же доподлинным японцем в этом спектакле. Японская сдержанность и грузинский темперамент слились в одно целое в этом спектакле — в значительной мере благодаря М. Эгутия, стилистически точно сыгранному Рассказчику, своеобраз-

ного ведущего в этой пьесе. Получился очень своеобразный спектакль — так сказать, японский с грузинским акцентом, спектакль, в котором весьма интересно и многообещающе показались молодые актеры театра — Р. Чихкишвили, Н. Хомасуридзе и другие.

А в «Анне Карениной» (постановка М. Кучухидзе, инсценировка Л. Росебы) театр... нет, не то чтобы разочаровал, но, как говорится, недопустил. Сказать об этом нужно, ибо из песни слова не выкинешь, а кроме того, Театр им. К. Марджанишвили — серьезный и взыскательный коллектив, не нуждающийся в дежурных похвалах. Интересно и остроумно сделанная инсценировка, интересная режиссура, великолепная С. Чихаурели в роли Анны — казалось, все обещало подлинный, стопроцентный успех. Но сляхком пассивной была эта Анна, слишком впрямую был через эту пассивность воплощен толстовский эпиграф, — «мне отщипане, и аз воздан»; думаю, режиссер, при всей своей тщательности и доброосовестности, все же прочая Толстого, повинуюсь более идее, нежели художественной реальности романа.

Что еще? Едва ли не впервые мне приходится жалеть о том, что у газетной статьи — своя специфика, она должна появиться в срок. О том, что многое в спектаклях Театра им. Марджанишвили нуждается в осмыслении, долгом обдумывании, но нужно укрупняться в сроки. О том, что не упомянул всех, кого хотел, чья работа достойна самого серьезного разговора, — скажем, о замечательных художниках, работающих в театре, не просто изображающих, но вкраивающих и мир и мысль каждого спектакля сценографически. И об актерах — замечательных грузинских актерах — здесь сказано, в общем-то, крайне мало, только самое необходимое, то, без чего никак не мог обойтись автор статьи. А их, достойных не просто упоминания, ведь больше, гораздо больше, чем здесь названо, — и К. Махарадзе в «Анне Карениной» и «Провинциальной истории», и Д. Двалишвили в «Обвале», и Г. Габуниа в «Отелло» и «Провинциальной истории», и многие другие.

НО ПОПРОБУЕМ отвлечься от всего этого и задаться, пожалуй, самым главным вопросом: о чем поведает нам этот замечательный театр?

Вроде бы так просто ответить — о мире и человеке в нем. Но в искусстве «о чем» неотделимо от «как», от уровня разговора.

Так вот, этот уровень в Театре им. К. Марджанишвили необычайно прилекателен. Я бы уподобил его игре О. Мегвинтухуцеси в «Отелло» — почти весь спектакль актер сдерживал себя, и мы получали огромное наслаждение от этой сдержанности, от того, что ясно было видно: ему есть что сдерживать. Так и весь театр — спокойный, несуетливо рассказывает о вещах, чрезвычайно важных, но не торопится подчеркнуть, что они — важные, ждет достойно и терпеливо, чтобы мы сами поняли это. Мудрость и страсть присутствуют во всех его спектаклях в нерасторжимом единстве — и видишь, что это мудрость и страсть народа, из которого он вырос. И, конечно же, художественного руководителя театра Темура Чхеидзе.

Этот театр не скрывает своих симпатий и антипатий ни к человеку, ни к поступку, который человек совершает. Но при этом он делает, все от него зависящее, чтобы мы разделили его точку зрения, стали его союзниками и единомышленниками. В этом театре занимаются искусством, а не рассуждениями о том, как оно важно. Не проповедают, но исследованы — впрочем, тут я замечу, что говорю уже не о конкретном Театре им. К. Марджанишвили, а об идеальном театре вообще. Но Театр им. К. Марджанишвили очень близок к этому идеальному театру, который возникает в мечтах.

Ю. СМЕЛКОВ.